

Наверное, нужно как-то объяснить, почему в книгу со столь занимательными сюжетами попала поэма А. Ф. Воейкова «Искусства и науки» — быть может, она кому-то видится здесь чужеродным элементом? Конечно же, это не так. Дело в том, что более десяти лет А. Балакин готовил к выходу научное издание текстов Воейкова. Он слыл черновики, проводил время в архивах — словом, занимался кропотливой литературоведческой работой. Издание планировалось, но так и не вышло (будем надеяться, что оно еще появится). Между тем поэма «Искусства и науки» уже была выверена, и нужно было ее напечатать. Потому-то она и попала в сборник статей как подтверждение тому, что профессиональные филологи блестяще работают не только над собственными научными текстами, но и восстанавливают тексты, которые, казалось бы, канули в небытие.

Еще со студенческих лет А. Балакин регулярно ездит в научные экспедиции в северные районы России. Это старая филологическая привычка — экспедиции чаще всего посвящены сбору русского фольклора. Так случилось, что Балакину удалось проехаться по маршруту писателя Юрия Казакова, который посвятил Русскому Северу немало замечательных произведений, среди которых выделяется «Северный дневник». Именно этот факт, а также давняя любовь к творчеству Казакова побудила автора написать большую статью, в которой он рассказывает о том, что сегодня происходит с местами, некогда воспетыми Казаковым. Не обойдены вниманием и люди Севера. Балакину удалось выяснить, что случилось с героями «Северного дневника»; могилы некоторых из них он посетил, обходя местные кладбища; также он разговаривал с теми, кто сохранил в памяти лица и характеры ушедших предков.

Статья о Русском Севере несколько выбивается из корпуса работ Балакина, ее можно назвать путевым очерком, однако она удивительным образом дополняет книгу и придает ей почти мистическое очарование.

Таков этот сборник. В рамках рецензии не удалось упомянуть обо всех сюжетах и интригах, собранных автором, но этого и не нужно делать. Запас сюжетов неиссякаем, особенно если за дело берется одержимый (в хорошем смысле слова) человек. Автор книги несомненно таков. Ему удалось раскрыть несколько интереснейших тайн, и он не собирается останавливаться. Это ли не лучший повод для того, чтобы вновь войти в библиотеку и начать разрабатывать новый сюжет?

Виталий ГРУШКО

КОПИИСТ ИЛИ ВОССОЗДАТЕЛЬ? ХУДОЖНИК НИКОЛАЙ ЛОХОВ

Т. В. Вересова, М. Г. Талалай. Человек Ренессанса. Художник Николай Лохов и его окружение. М.: Старая Басманная, 2017.

Не так давно в нью-йоркском магазине я видела висящие на стене копии с картин мастеров: Рубенса, Фрагонара, Клода Моне. Сделаны они были с помощью фотографии, причем с максимальным приближением к подлиннику. А до этого много лет назад в Москве как-то посетила выставку рукотворных копий мировых шедевров. Нужно сказать, что последняя вызвала у меня реакцию отчуждения. Все же я, как, наверное, и многие из читателей, всегда предпочитала «оригиналы» «спискам». Оригинал и копия. Мне долгое время казалось, что их взаимоотношения не отличаются большой градацией, так же как у предмета и его тени. Но вот у меня в руках книга, которая заставляет усомниться в общепринятой истине. Ее авторы, краевед и журналист

из Пскова Тамара Васильевна Вересова и исследователь из Италии Михаил Талалай, назвали героя своей книги «Человек Ренессанса». Между тем Николай Лохов (1872 — 1948), чья научная биография впервые представлена авторами, был... копиистом. Правда, сам он называл себя «воссоздателем». И те, кто сталкивался с ним и его работами, готовы были подтвердить: да, талант, да, человек Ренессанса.

Сначала несколько слов об авторах книги. Они счастливым образом нашли друг друга, занимаясь каждый своей деланкой. Псковитянка Тамара Вересова наткнулась на фамилию Лохова благодаря своим изысканиям в области краеведения. Михаил Талалай, чьей постоянной темой является «русская Италия», не мог не остановиться на фигуре русского художника, жившего во Флоренции и своим искусством вызывавшего восхищение итальянцев. Объединенными усилиями написана книга — собранная по крупицам биография художника, чью «русскую часть» воссоздала Вересова, а «итальянскую» — Талалай.

Рассказу о художнике предшествует знаменательный эпиграф — слова, сказанные о Лохове его соотечественником и современником, автором неповторимой и колдовской книги «Образы Италии» — Павлом Муратовым: «Талант и вера этого удивительного человека были руководимы торжественной целью, которой можно дать только одно простое имя — Россия».

И еще один материал, на этот раз с итальянской стороны, предваряет биографию художника — эссе внука Лохова Николо Кручани «Мой дедушка», переведенное на русский язык Михаилом Талалаем; во второй части книги оно дается на языке оригинала.

Биография Николая Лохова событиями не богата. Родился во Пскове в известной купеческой семье, учился в самой престижной в городе Губернской гимназии, где, кстати, училась целая плеяда талантов, принесших славу России: известный иллюстратор Гоголя Агин, два одареннейших брата — микробиолог Лев Зильбер и писатель Вениамин Каверин — и их близкий друг, автор «Подпоручика Киже», «Смерти Вазир-Мухтара» и «Пушкина» Юрий Тынянов. Но и это не все. В этой же гимназии учились художник и режиссер-экспериментатор Николай Евреинов, известные физики братья Кикоины. После такого перечисления должно следовать, что наш герой прекрасно учился и стал гордостью своей гимназии. Не стал. Учился Лохов с трудом. И в гимназические годы, и позднее, в университетские, учение ему не очень давалось. Да и то сказать — учился он в Санкт-Петербургском университете на физико-математическом отделении, изучал естественные науки. Иначе говоря, занимался явно не своим делом. При этом, как позднее напишет его жена, целые дни проводил в музеях и на выставках: «Студентом он знал во всех подробностях все музеи Петербурга и посещал все выставки». Тут он был у себя дома.

Учению мешало и еще одно обстоятельство: студент был политически неблагонадежен, находился под гласным надзором полиции и даже был выслан из Санкт-Петербурга к себе на родину во Псков. Нет, «верным ленинцем» Николай не был, но увлекался Марксом и состоял в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Революционные дела сблизили его с будущей женой Марией Митрофановной Сизаревой, дочерью адвоката из города Сумы, учившейся на Бестужевских курсах в Санкт-Петербурге. Поженившись, молодые «удрали за границу» — это был единственный способ спастись от полицейского преследования. В Париже родился их сын Борис. За границей же Николай Лохов начал свои первые опыты копирования. В 1905 году «по амнистии» семья возвращается на родину, и Лохов, с его уникальным даром, оказывается человеком востребованным. Иван Владимирович Цветаев заказывает у него для своего новосозданного Музея изящных искусств в Москве 70 копий картин и фресок Итальянского Возрождения.

А теперь несколько слов в сторону. Книга, присланная мне из Италии, содержит большое число фотографий, в том числе и цветных, копий Николая Лохова с картин и фресок великих художников: Мазаччо, Фра Беато Анжелико, Симоне Мартини, Джотто и других. Все они публикуются впервые — и все они потрясают. Особенно в цвете. Здесь, как и в построении всей книги, авторы используют «зеркальный принцип», помещая копии рядом с оригиналом. Читатель может заняться сопоставлением. Что поразило меня — не только полное совпадение зрительного образа, но и внутреннее наполнение картин Лохова. Все же подделка чаще всего обличает сама себя своей «пустотой». У Лохова — и потрясающая игра красок, и вхождение в «строй» картины, в духовную связь с ее создателем. Замечу, что авторство Лохова на некоторых картинах все же легко определить. Целомудренный русский мастер пририсовал фиговый листок к чреслам Адама и Евы во фреске Мазолино да Паникале «Искушение Адама и Евы», ок. 1435, и невероятной силы трагической фреске Мазаччо «Изгнание Адама и Евы из рая», 1426—1427, обе фрески находятся в капелле Бранкаччи, в церкви Санта Мария дель Кармине во Флоренции.

Для того чтобы выполнить такой огромный заказ, Лохов с семьей едет в Италию, поселяется во Флоренции, сняв студию на Via degli Artisti, и приступает к своему непомерному по сложности и трудоемкости проекту. Из писем, опубликованных в книге, можно представить, какова была эта работа. Над одной копией художник трудился много месяцев, случалось и полтора года. Для копирования фресок возводил леса, писал под потолком, как его великие предшественники, что до красок, то делал их сам. В студию на Via degli Artisti стекались итальянцы — поглазеть на «безумного» il russo, воссоздателя шедевров.

В 1913 году умирает Иван Цветаев, через три года уходит из жизни спонсор проекта В. В. Якунчиков, идет Первая мировая война, и в октябре 1917 года в России происходит большевистская революция. Каждое из этих событий могло повергнуть художника в уныние, лишит веры в осуществление его замысла — сделать копии шедевров для России. Но он упорно продолжает работать, лихорадочно ища поддержки, средства для продолжения работы.

Помощь приходит из Америки. Супруги Беренсон, чета известных американских искусствоведов, будучи в Италии, неожиданно открывают для себя необычный дар русского мастера, начинают пропагандировать его у себя на родине. Мэри Беренсон писала на страницах «Американского художественного журнала»: «Моему мужу¹ потребовалось посмотреть работы художника в течение нескольких минут, чтобы убедиться в том... что это были не обычные „копии“, которые мы так ненавидели и которым не доверяли всю свою жизнь, а самое точное и правдивое воспроизведение, приближение к творениям великих мастеров».

С грустью прочитала в статье Мэри, что в студии Лохова стояли работы, «которые все еще ждали отправки в Москву». Эта фраза напомнила мне, как эмигранты первой волны, добравшись до какой-нибудь «третьей» страны, ставили в углу нераспакованные чемоданы, ожидая, что совсем скоро возвратятся на родину.

Именно Беренсоны устроили знакомство Лохова с Хелен Фрик, знаменитой меценаткой, дочь не менее знаменитого мецената Генри Фрика, подарившего Нью-Йорку свою великолепную коллекцию произведений искусства. Заинтересовавшись работами Лохова, Хелен покупает у него всю коллекцию и помещает их в Питтсбургский музей. Часть лоховских работ была куплена музеем Фогта при Гарвардском университете, некоторые другие приобретает Портлендский художественный музей.

¹ Бернард Беренсон (1865—1969), знаменитый американский искусствовед и художественный критик, родился в Виленской губернии и был увезен в Америку в десятилетнем возрасте.

Осталось сказать вот о чем. Книга о Николае Лохове получилась разнообразной по материалу — тут и письма, и дневники, и статьи, и даже некрологи; много в ней и того, что называют «зрительным рядом»: фотографий, цветных и черно-белых репродукций как произведений итальянских художников, так и копий Лохова. Кроме работ самого маэстро, в книге приводятся репродукции картин двух его ближайших друзей-художников Евгения Климова и Эрика Прена, чья преданная дружба скрасила жизнь русского мастера. Судя по репродукциям, оба интересные художники, к сожалению, как и Лохов, в России совсем неизвестные. Возможно, книга Вересовой и Талалая побудит искусствоведов заняться и их творчеством.

Знаю Михаила Талалая как исследователя и знатока русских надгробий в Италии. Вот и в этой книге он не упустил случая рассказать, где похоронен русский художник, и привести надпись на надгробной плите на итальянском и — в своем переводе — на русском языках. Супруги Николай и Мария Лоховы похоронены на некатолическом кладбище Аллори по дороге из Флоренции в Сиену, и надпись на их надгробии гласит: «Прекрасный художник Н. Лохов, не желая создавать свое, посвятил всю жизнь исполнению совершенных „повторений“ великих мастеров Ренессанса».

А ведь правильно написали итальянцы, в самую точку.

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ